

ХУ. ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

Осенью 1854 года Чернышевский сообщил отцу, что дело о магистерстве, «так несносно тянувшееся, опять подвигается: скоро, — писал он, — начну печатать свою диссертацию...» Впрочем, нисколько не обольщаясь, тут же добавлял: «Из этого не следует, однако, чтобы конец был уже близок...»

В это время он еще не расстался с мыслью о деятельности ученого, намереваясь после магистерского экзамена держать докторский, но впоследствии, когда ему стало ясно, что в верхах министерства просвещения всячески препятствуют его намерению, он охладел к этим планам.

В конце сентября Никитенко удосужился, наконец, прочитать диссертацию и уполномочил «пустить ее в дело». Но до окончания было еще далеко. Пока декан препроводил диссертацию на официальный отзыв Никитенке, пока тот представил свой отзыв, прошло более двух месяцев, и только 21 декабря Чернышевский получил от декана извещение, что диссертация вскоре будет утверждена советом к печатанию. В действительности это утверждение состоялось значительно позже.

Наступил 1855 год... Из далекого Крыма приходили все более и более тревожные вести, ожидавшиеся с лихорадочным нетерпением. Несмотря на беспримерный героизм защитников Севастополя, исход войны стал уже ясен, как ясны были и причины надвигавшегося поражения. Они коренились в общественно-политическом укладе царской России. «Неслыханнейшая оргия хищений и казнокрадства охватила круги высших чиновников и помещиков, наживавшихся на военных поставках. «Отечество продавалось всюду и за всякую цену», — писал Салтыков-Щедрин.

В обществе открыто говорили о лживости официальных реляций, об отсутствии надлежащего вооружения войск, о хаотическом состоянии лазаретов и провиантской части, о развале снабжения армии, рассказывали о злополучном курском ополчении, выступившем с топорами против дальнобойных орудий.

Даже люди консервативных и умеренных взглядов становились в оппозицию к царскому правительству, поставившему страну в безвыходное положение, несмотря на поразительное самоотвержение и мужество русского войска, несмотря на бесчисленные жертвы, принесенные народом для спасения родины от позора военного поражения.

18 февраля в столице все были изумлены неожиданным известием о внезапной смерти Николая I, последовавшей в самый разгар Севастопольской обороны и воспринятой всеми прогрессивными людьми в стране как знак неизбежного крушения самодержавно-крепостнического строя.

«Россия точно проснулась от летаргического сна», — вспоминал впоследствии один из друзей Чернышевского Шелгунов. — «Надо было жить в то время, чтобы понять ликующий восторг «новых людей»,

точно небо открылось над ними, точно у каждого свалился с груди пудовый камень».

Чувство ликования и надежды на возможность революционного взрыва, охватившее демократически настроенные круги русской интеллигенции, ярко выразил Герцен, находившийся в изгнании:

«С 18 февраля (2 марта) Россия вступает в новый отдел своего развития. Смерть Николая — больше, нежели смерть человека: *смерть начал*, неумолнно строго проведенных и дошедших до своего предела...

Севастопольский солдат, израненный и твердый, как гранит, испытывавший свою силу, так же подставит свою спину палке, как и прежде? — спрашивал Герцен — Ополченный крестьянин воротится на барщину так же покойно, как кочевой всадник с берегов каспийских, сторожащий теперь балтийскую границу, пропадет в своих степях? И Петербург видел понапрасну английский флот? — Не может быть. Все в движении, все потрясено, натянуто... и чтоб страна, так круто разбуженная, снова заснула непробудным сном?! Но этого не будет. Нам здесь вдали слышна другая жизнь. Из России потянуло весенним воздухом».

Весть о смерти Николая I застала Чернышевского за работой над второй статьей о сочинениях Пушкина, которую он готовил для «Современника». В рукописи Чернышевским отчеркнут весь последний абзац статьи и написано на полях и внизу статьи: «Здесь получено известие» и «дописано 18 февраля 1855 г — под влиянием известного события написаны последние строки».

Вот эти последние строки: «Будем же читать и перечитывать творения великого поэта и, с признательностью думая о значении их для русской образованности, повторять вслед за ним:

Да здравствуют Музы, да здравствует Разум!

И да будет бессмертна память людей, служивших Музам и Разуму, как служил Пушкин!»

Конечно, в эту минуту он думал о свободолобивой поэзии Пушкина, о друзьях поэта — о Рылееве, о Кюхельбекере и других декабристах, «вышедших сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия» (Герцен).

Атмосфера общественного подъема не могла не отразиться благоприятно и на судьбе диссертации Чернышевского, защиту которой Никитенко решил теперь более не задерживать.

4 апреля Чернышевский писал родным в Саратов: «Я надеюсь скоро напечатать свою несчастную диссертацию, которая столько времени лежала и покрывалась пылью. Эта жалкая история так долго тянулась, что мне и смешно и досадно. И тогда я думал и теперь вижу, что все было только формальностью; но формальность, которая должна была кончиться в два месяца, заняла полтора года... Дело... тянулось невыносимо долго. Но теперь оно уже дотянулось до окончания».

Утверждение диссертации советом последовало 11 апреля, и Чернышевский тотчас же сдал ее в типографию.

Диссертация вышла из печати за неделю до диспута в четырехстах экземплярах. Даже внешняя форма ее существенно отличалась от обычных «ученых» трудов. «Наперекор общей замашке шарлатанить дешевой ученостью», автор диссертации, как бы бросая своеобразный вызов застывшим академическим формам университетских трактатов, освободил свою работу от цитат и ссылок на всевозможные книжные источники. Живыми, неиссякаемыми источниками были

для него революционные идеи Герцена и Белинского, но разве мог он открыто указать на них в диссертации? «Я не думаю, чтобы у нас поняли, до какой степени важны те вопросы, которые я разбираю, если меня не принудят прямо объяснить этого, — писал он отцу. — Вообще у нас очень затмилась понятия о философии с тех пор, как умерли или замолкли люди¹, понимавшие философию и следившие за нею».

Наступила дружная весна — быстро стаял на улицах снег, и петербуржцы, сбросив с облегчением шубы, щеголяли в весеннем платье. Теплая погода, установившаяся необычно рано, позволила Чернышевским уже в конце апреля переехать на дачу, расположенную в Беклешевском саду под Петербургом.

В эту памятную весну 1855 года, отмеченную на­растанием общественного подъема после смерти Николая I, состоялась защита знаменитой диссертации Чернышевского.

Уверенный в том, что прения будут проходить вяло и скучно, потому что предмет, о котором он писал, был мало знаком его оппонентам, Николай Гаврилович не стал даже готовиться к диспуту. И в канун этого дня и в самый день диспута он занимался редакционными делами, чтением корректур «Современника» и своим переводом английского романа для «Отечественных записок».

10 мая, ровно в час пополудни, под председательством ректора университета Плетнева начался диспут. Официальными оппонентами были профессора Никитенко и Сухомлинов. Среди слушателей присутствовали близкие, друзья и знакомые Чернышевского: Ольга Сократовна, Пыпин, Анненков, Введенский, Краев-

---

¹ Имеется в виду Белинский и Герцен. — Н. Б.

ский, поэт Мей, Панаев, Сераковский, Шелгунов, земляки: И. В. Писарев, А. Ф. Раев, И. Г. Терсинский¹.

Описание этого знаменательного дня сохранилось в воспоминаниях Н. В. Шелгунова. «Задолго до публичной защиты, — пишет он, — о ней было уже известно в кружках, более близких к автору... Небольшая аудитория, отведенная для диспута, была битком набита слушателями. Тут были и студенты, но, кажется, было больше посторонних, офицеров и статской молодежи. Тесно было очень, так что слушатели стояли на окнах. Я тоже был в числе этих, а рядом со мной стоял Сераковский (офицер Генерального штаба, впоследствии принявший участие в польском восстании и повешенный Муравьевым)... Чернышевский защищал диссертацию со своей обычной скромностью, но с твердостью непоколебимого убеждения».

Оппоненты не сумели выдвинуть никаких веских возражений по существу. Прения протекали именно так, как предполагал Чернышевский. Отметив целый

---

¹ Для курьеза он послал и отцу в Саратов отпечатанный пригласительный билет на защиту диссертации: «Его высокоблагородию Гавриилу Ивановичу Чернышевскому — ректор императорского Санкт-Петербургского университета почтительнейше приглашает в час пополудни во вторник на защищение кандидатом Чернышевским диссертации, написанной им для получения степени магистра русской словесности. Посторонние лица без билета не входят на собрание». Получив затем вскоре от сына переплетенный экземпляр диссертации, Гавриил Иванович написал ему: «Благодарю тебя, мой милый, неоценимый сыночек, за присылку мне твоего рассуждения. Его я еще не читал. В ознаменование моей благодарности и удовольствия прилагаю при сем 25 рублей». Ознакомившись с диссертацией, Гавриил Иванович робко заметил в письме: «О содержании твоей книжки не мое дело судить, на это есть другие люди на все новое точащие ножи критики. Мне она дорога потому, что доставила много и премного удовольствия и утешения и как сочинение моего сына».

ряд неоспоримых достоинств диссертации, Никитенко тем не менее попытался отвергнуть ее философскую основу и защитить «незыблемые цели искусства, установленные существующей эстетической теорией». Возражая ему, Чернышевский с легкой иронической улыбкой на губах говорил о господстве рабского преклонения перед устаревшими мнениями, о предрассудках и заблуждениях, о боязни смелого, свободного исследования и свободной критики «Только этим обстоятельством, — сказал он в заключение, — и можно объяснить, что в нашем образованном и ученом обществе держатся до сих пор устарелых и давно уже ставших ненаучными эстетических понятий... Они уже отжили, и их надо отбросить».

Вся процедура защиты заняла не более полутора часов. «После диспута, — пишет Шелгунов, — Плегнев обратился к Чернышевскому с такими словами: «Кажется, я на лекциях читал вам совсем не это!» И действительно, Плетнев читал не то, а то, что он читал, не было бы в состоянии привести публику в тот восторг, в который ее привела диссертация. В ней было все ново и все заманчиво: и новые мысли, и аргументация, и простота, и ясность изложения. Но так на диссертацию смотрела только аудитория. Плетнев ограничился своим замечанием, обычного поздравления не последовало, и диссертация была положена под сукно»¹.

Можно было положить под сукно «Дело о магистерском испытании» Н. Г. Чернышевского, но уже

---

¹ Министр народного просвещения Норов не решился отвергнуть представление университетского совета о присвоении Чернышевскому звания магистра — это было бы резким нарушением обычных правил. Но и утвердить представление Норов не хотел. Только четыре года спустя новый министр, сменивший Норова, утвердил решение Совета университета.

нельзя было замалчивать великие идеи, провозглашенные в его диссертации

Понятен восторг молодой аудитории, слушавшей защиту Чернышевским тезисов «Эстетических отношений искусства к действительности» Ведь после «Писем об изучении природы» Герцена и замечательных статей Белинского по эстетике диссертация эта открывала новую страницу в развитии передовой русской философской и общественной мысли, продолжавшей и в пятидесятые годы, несмотря на цензурные тиски, могучее движение вперед в борьбе с проповедниками реакции, идеализма, застоя, крепостничества.

Перед автором «Эстетических отношений» стояли, казалось бы, непреодолимые грудности Чернышевский, по собственным его словам, «занимался эстетикой только как частью философии» Однако в самой диссертации он был лишен возможности обрисовать во всей полноте распад идеалистической философии и со всею ясностью заявить об освободительной силе материалистического учения

И все же, с величайшим искусством обходя эти препятствия, Чернышевский проводил в диссертации революционные идеи своего времени, вскрывая с замечательной глубиной и последовательностью реакционную сущность идеалистических представлений об искусстве и действительности и провозглашая новые взгляды на искусство, вытекающие из материалистического мировоззрения и одухотворенные революционным пафосом

Анализ основных положений диссертации показывает, что она была теоретическим обобщением, философским обоснованием и дальнейшим развитием взглядов Белинского на сущность и значение искусства Для Чернышевского, как и для его предшественника, вопросы искусства были «только полем битвы, а предметом

борьбы было влияние вообще на умственную жизнь» (слова Чернышевского о Белинском). Вот почему, несмотря на кажущуюся отвлеченность темы диссертации, она приобрела в освещении Чернышевского живострепещущую остроту и актуальность.

Трактат его призван был сыграть колоссальную роль в борьбе с идеалистической эстетикой. Это была первая попытка создать систематическую научную эстетику с материалистической точки зрения.

«Эстетические отношения искусства к действительности» посвящены не только критическому анализу теории Гегеля и гегельянца Фишера: трактат этот выходит за пределы своего специального назначения, являясь в известной мере и общеполософским трактатом.

Выдающаяся роль Чернышевского как философа-материалиста была отмечена Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм» (1908 г.) и в статье «О значении воинствующего материализма» (1922 г.).

Пункт за пунктом опровергает Чернышевский основные положения идеалистической эстетики, которая от Платона до Канта и Гегеля покоилась на религиозном истолковании идеи прекрасного. Идеалистическая эстетика видела в искусстве один из способов познания и выражения «абсолютной идеи» и ставила красоту в искусстве выше красоты в природе. Исходя из предпосылок материалистической философии, Чернышевский выдвигал взамен идеалистических абстракций свое определение прекрасного: «прекрасное есть жизнь». Красота мыслится не как воплощение «абсолютной идеи» в «конечных образах», — она понята как свойство объективной действительности. В произведениях искусства нет ничего, что не было бы дано этой действительностью.

Такое определение прекрасного вытекало из правильного понимания отношений действительного мира к воображаемому и вело к верному взгляду на истоки искусства и на его назначение. Чернышевский не ограничивался утверждением превосходства действительности над искусством, не ограничивался низведением искусства в сферу реальной жизни. Он утверждал также, что само понятие красоты не одинаково для всех людей, классов, сословий, и указывал на активную преобразующую роль искусства.

Эстетика Чернышевского, как первая развернутая материалистическая теория искусства, представляет для нас не только исторический интерес. Многие стороны эстетического учения Чернышевского близки нашему времени. Когда мы вдумываемся в тезисы его диссертации, мы видим, что в целом ряде их затрагиваются проблемы, волнующие мастеров советского искусства.

Строя свою эстетику на возвышении действительности, жизни, природы, Чернышевский тем самым закладывал основы реалистической эстетики. Этой своей стороной она особенно родственна нашей современности. Чернышевский отрицал искусство, оторванное от жизни, тяготеющее к призрачным образам бесплодной фантазии, он отрицал тепличные цветы «искусства для искусства» и призывал художников к полнокровному воспроизведению жизни во всем ее многообразии.

Ложные направления искусства — формализм и натурализм — решительно осуждались им. Формализм, как мы его понимаем, начинается там, где «искусство, — по определению Чернышевского, — переходит в искусственность», формализм там, где «господствует мелочная отделка подробностей, цель которой не приведение в гармонию с духом целого, а только то, чтобы сделать

каждую из них в отдельности интереснее или красивее, почти всегда во вред общему впечатлению произведения, его правдоподобию и естественности»

Чрезвычайно важно отметить, что многие возражения Чернышевского против формалистических ухищрений обращены вместе с тем и против бессмысленного, ничем не одухотворенного копирования, когда мелочное выписывание отдельных черт и бесконечных деталей заводит художника в дебри натурализма. Натурализм, или «мертвая копия», «дагерротипное копирование», бесполезное подражание, как выражался Чернышевский, порождается пассивным «воспроизведением действительности», против которого он предостерегает в своей эстетике.

Необходимым условием для всякого большого художественного произведения, будь то картина, роман, скульптура или поэма, Чернышевский считал наличие в этом произведении ответа на запросы современности, ибо истинный художник в основание своих произведений всегда кладет идеи современные.

Писатель должен быть в гуще жизни, его не могут не волновать вопросы, порождаемые действительностью, и тогда в его произведениях выразится стремление дать свою оценку, «свой живой приговор о явлениях, интересующих его (и его современников, потому что мыслящий человек не может мыслить над ничтожными вопросами, никому, кроме него, не интересными)».

Товарищ А. А. Жданов в своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» подчеркивал действенный, революционный характер эстетики Чернышевского. «Боевое искусство, — говорил А. А. Жданов, — ведущее борьбу за лучшие идеалы народа — так представляли себе литературу и искусство великие представи-

тели русской литературы. Чернышевский, который из всех утопических социалистов ближе всех подошел к научному социализму и от сочинений которого, как указывал Ленин, «веяло духом классовой борьбы», — учил тому, что задачей искусства является, кроме познания жизни, еще и задача научить людей правильно оценивать те или иные общественные явления».

Низведение искусства в сферу реальной жизни, критика ложных течений в искусстве — формализма и натурализма, отрицание пассивного подхода художника к изображаемому, отстаивание идейности в искусстве, взгляд на искусство как на одно из могущественных орудий преобразования действительности — таково было в общих чертах содержание диссертации Чернышевского, которая явилась огромным шагом вперед в развитии материалистической эстетики.

Выход из печати диссертации, несмотря на важность затронутых в ней вопросов, не вызвал оживленной полемики. Журнальные отклики были немногочисленны. В 1855 году появились лишь две рецензии: одна в «Отечественных записках» (т. 6), где дан довольно подробный анонимный разбор диссертации с резко отрицательной оценкой ее, и другая — в «Библиотеке для чтения» (т. 132), где безымянный рецензент (повидимому, А. Дружинин) поддержал выступление «Отечественных записок», назвав их разбор диссертации справедливым.

Ко времени появления «Эстетических отношений» в свет Чернышевский уже занимал в редакции «Современника» видное положение. Книга не могла пройти незамеченной в среде писателей. Первые отклики их были крайне неблагоприятны.

Настоящего, обстоятельного анализа и освещения диссертация Чернышевского в то время не получила,

да едва ли и могла получить. Вероятно, это обстоятельство заставило самого Чернышевского тотчас же после издания книги взяться за разбор «Эстетических отношений», чтобы восполнить, насколько было возможно, свои упущения и под видом критики изложить подробнее то, что недостаточно ясно было развито в его сочинении.

Прежде всего Чернышевский попытался яснее подчеркнуть в авторецензии связь своей эстетики с общей системой материалистических философских воззрений. Готовя свое сочинение как университетскую диссертацию, Чернышевский, конечно, чувствовал себя гораздо более связанным, нежели при выступлении в «Современнике» под псевдонимом Н. П — ь, с автокритической статьёй, посвященной «Эстетическим отношениям искусства к действительности».

В диссертации Чернышевский вуалировал все намеки на родство своей теории с материалистической философией. По мнению самого Чернышевского, эти вынужденные недомолвки явились важнейшим и чрезвычайно ощутительным недостатком его трактата, так как в нем отсутствовал анализ общих начал, из приложения которых к эстетическим вопросам образовалась его теория искусства.

В журнале он имел возможность изъясняться свободнее, и потому здесь гораздо яснее говорится о «внутреннем смысле теории, принимаемой автором диссертации», об общих истоках его эстетической концепции. Именно под тем предлогом, что «г. Чернышевский слишком бегло проходит (в диссертации) пункты, в которых эстетика соприкасается с общею системою понятий о природе и жизни», автор рецензии (то-есть Чернышевский же) постарался более обстоятельно осветить этот вопрос.

Не имея возможности упомянуть имя Фейербаха, Чернышевский тем не менее все время стремится хоть намеками указать на его философские воззрения, послужившие толчком для создания диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», которая, разумеется, была совершенно самостоятельным трудом, новым словом в развитии философской мысли.

Чернышевский в авторецензии отметил ряд недочетов своего трактата (неполнота изложения, беглость указаний на связь его эстетической теории «с общей системой понятий о жизни и природе», отсутствие анализа идей Гегеля и, наконец, отсутствие примеров живой связи «общих начал науки с интересами дня»). Но все эти лукавые упреки, которые обращает к самому себе Чернышевский, укрывшийся за инициалами Н. П — з, должны быть отнесены, конечно, не к автору трактата, а к цензуре того времени, к общей политической обстановке первой половины пятидесятих годов.

